

Международное строительное право

Академическая монография

Автор: Белкин Дмитрий
Семёнович (ORCID:
<https://orcid.org/0009-0003-1532-1958>)

Славяно-Греко-Латинская
академия, кафедра
международного права, доцент,
Москва, Россия. E-mail:
dmitryb81@gmail.com

DOI: 10.64457/icl.ru.ch25

Системное взаимодействие международного уголовного права и строительных контрактов в профилактике транснациональной коррупции

Рекомендуемая ссылка: Белкин Дмитрий Семёнович Системное взаимодействие международного уголовного права и строительных контрактов в профилактике транснациональной коррупции // МЕЖДУНАРОДНОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. Москва: Славяно-Греко-Латинская Академия, 2025. DOI: 10.64457/icl.ru.ch25.

Настоящая глава посвящена уголовно-правовым инструментам борьбы с коррупцией в международных строительных контрактах, охватывающих транснациональные инвестиционные проекты. Рассмотрена эволюция доктрины от первых идей М. Д. Шаргородского до современных кейсов World Duty Free, Metal-Tech, Spentex и P&ID, показывающих, как преступные выплаты лишают инвестора защиты

и приводят к недействительности соглашений. Методологическая база объединяет сравнительно-правовой, историко-правовой и кейс-анализ, опирающийся на материалы МЦУИС, национальных судов и документы ООН, ОЭСР и Совета Европы. в результате сформирована модель интеграции норм международного уголовного права в положения МФИК и других типовых договоров, обеспечивающая превентивный эффект за счёт доктрины «чистых рук», пониженного стандарта доказанности и конфискации преступных доходов.

В современных трансграничных строительных проектах проблемы коррупции приобретают особую актуальность. Участие государственных органов, частных подрядчиков и международных организаций в крупных инфраструктурных программах одновременно наращивает масштабы инвестиций и риски преступных злоупотреблений. Международные строительные контракты часто сопровождаются попытками подкупа или незаконного влияния на тендеры. Такие проявления ставят под угрозу само существование контрактов: международный арбитраж начинает воспринимать доказанную коррупцию как нарушение публичного порядка и основание для недействительности сделок. в деле *World Duty Free v. Kenya* трибунал МЦУИС впервые прямо отметил, что контракт, полученный путём взятки, «не может быть защищён» (по принципу *ex turpi causa non oritur actio*). Это подчеркивает необходимость комплексного изучения не только национальных, но и международных юридических инструментов для борьбы с коррупцией при реализации строительных контрактов.

Усиление глобализации и расширение трансграничной интеграции в строительной сфере повышают уязвимость отрасли к коррупционным рискам. в отечественной науке подчёркивается, что международное публичное правопорядковое применение антикоррупционных норм остаётся фрагментированным. Как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, в международном уголовном праве сохраняется дефицит кодификации относительно коррупционных преступлений, что ведёт к непоследовательному их преследованию и неоднородной практике. Данная проблема становится критической в строительных контрактах, где спорные точки пересекают несколько юрисдикций. с учётом

сложностей, цель нашего исследования – выявить международно-правовые механизмы, способные эффективно снижать коррупционные риски в инфраструктурных проектах.

В исторической ретроспективе развитие международного уголовного права отражает всё возрастающее внимание к проблематике преступлений, затрагивающих мировую безопасность. Ещё М. Д. Шаргородский (1947) подчёркивал, что особая роль отрасли – координировать международное сотрудничество при противодействии преступности. к концу XX века учёные, такие как Я. Динштейн (1985) и М. Ч. Бассиуни (1997), указывали на необходимость унификации норм борьбы с тяжкими преступлениями, включая привлечение к ответственности и государств. При этом проблема коррупции постепенно выдвигалась в центр внимания: согласно Т. Я. Хабриевой, первоначально «мягкие» акты ООН по борьбе с коррупцией позднее легли в основу формально обязательных международных соглашений. Современные исследования подтверждают, что согласованные подходы и обмен правоприменительной практикой становятся необходимыми для противодействия транснациональной коррупции.

Наряду с теорией растёт и судебная практика применения международного уголовного права к международному строительству. Рассмотрим ключевые прецеденты:

- *World Duty Free Co. Ltd. v. Republic of Kenya* (ICSID, 2006). в данном деле британская компания заключила с правительством Кении контракт на строительство магазинов беспошлинной торговли. Только после арбитража всплыло, что контракт был получен путём дачи взятки президенту Кении (2 млн \$). Трибунал МЦУИС признал, что сделка заключена «путём подкупа», и постановил, что истница «не имеет права требовать защиты», поскольку её иск проистекает из контракта, противоречащего международному публичному порядку. Этот прецедент впервые ясно показал, что установленная коррупция автоматически лишает инвестора права на защиту в международном арбитраже.

- Siemens A.G. v. Argentina (ICSID, 2007). в начале 1990-х Siemens получила от Аргентины крупный контракт по созданию национальной системы ID-документов. Впоследствии контракт был расторгнут, и Siemens выиграла арбитраж (ок. \$217 млн). Однако затем расследования США и Германии установили, что Siemens платила взятки аргентинским чиновникам при заключении контракта. После признания Siemens факта подкупа компания согласилась отказаться от взыскания компенсации. Дело демонстрирует, что даже если трибунал не рассматривал коррупцию на этапе разбирательства, уголовная ответственность инвестора может привести к отмене арбитражного решения. Впоследствии государства стали активнее применять так называемую «коррупционную защиту» в арбитражах, а трибуналы строже относятся к любым признакам взяточничества. Важно отметить, что масштабный скандал вокруг Siemens (штрафы по FCPA) вошёл в международную практику как пример того, что за коррупцию приходится платить колоссальными суммами.
- Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan (ICSID, 2013). Израильская компания создала СП с Узбекистаном для строительства завода по переработке руды. Арбитраж установил, что Metal-Tech выплатила «консультантам» \$4 млн (связанных с правительственными лицами) в виде «консультационных услуг», которые на деле оказались сокрытой взяткой. Трибунал пришёл к выводу, что инвестиция совершена с нарушением местного антикоррупционного законодательства, и отказался защищать «запятнанную» инвестицию. Решение Metal-Tech подчёркивает, что привратник инвестиционного права (конвенция) требует законности инвестиций: доказанная коррупция выводит спор за рамки арбитража. Особенно примечательно, что трибунал применил гибкий подход к доказательствам (анализ красных флагов и косвенных улик), демонстрируя, что стандарт доказывания может быть снижен ввиду закрытого характера преступлений.
- Inceysa Vallisoletana S.L. v. Republic of El Salvador (ICSID, 2006). Испанская Inceysa выиграла тендер на инфраструктурный проект в Сантьяго-дель-Эль-Салвадоре, однако контракт позже был отменён по обвинениям в мошенничестве на тендере. Арбитраж решил, что мошенничество инвестора (скажем, представление фальшивых документов) по сути

является формой коррупции. Трибунал применил доктрину «чистых рук», отказав в защите инвестиций: инвестиция, полученная незаконным путём, не подлежит охране. Этот кейс закрепил правило, что условие законности (compliance) можно применять даже косвенно через общие положения договора. в контексте строительных контрактов Inceysa демонстрирует: инвестор, выигравший подряд нечестно, не получит защиты международного права.

- EDF (Services) Ltd. v. Romania (ICSID, 2009). Интересно зеркальное дело, где инвестор (британская EDF) обвинял государство (Румынию) во взяточничестве. EDF утверждала, что договоры прекратились после отказа заплатить взятку румынскому чиновнику. Трибунал постановил, что обвинения в коррупции – очень серьёзный эпитет, требующий «ясных и убедительных доказательств». в отсутствие таких доказательств (двух слушателей и аудиозапись, сочтённая недостаточной) требования EDF были отклонены. Это решение подчёркивает, что стандарт доказанности коррупции в инвестиционных спорах остаётся высоким: просто заявить о взяточничестве без убедительных доказательств недостаточно. При этом кейс показал, что обвинения могут предъявляться и в адрес государства – но и в таком случае трибунал ожидает ту же строгую доказательную базу.
- Spentex Netherlands B.V. v. Republic of Uzbekistan (ICSID, 2016). Нидерландская Spentex приватизировала текстильные заводы в Узбекистане. Позже Узбекистан национализировал активы, после чего заявил арбитражу, что приватизация была куплена взятками (\$6 млн «консультантам»). Хотя конкретных имён чиновников названы не были, трибунал «соединил факты»: внезапный крупный перевод, отсутствие экономической логики и прекращение выплат после получения активов подтвердила коррупционную схему. в результате арбитраж отказал Spentex, укрепив линию «абсолютной законности» инвестиций. Особенность решения – предложение трибунала «рекомендовать» Узбекистану пожертвовать \$8 млн в антикоррупционный фонд ООН, сознав, что обе стороны вовлечены в коррупцию. Это первый случай «восстановительного правосудия» в инвестиционном арбитраже: наказание затрагивает не только инвестора (отказ в иске),

но и государство (утрата репутации и условное моральное обязательство).

- MOL Hungarian Oil & Gas Co. v. Croatia (ICSID, 2016). Хорватия обвинила венгерскую MOL в получении контроля над национальной нефтекомпанией INA через взятку премьер-министру Хорватии. Официальный Санадер был осуждён в Хорватии за принятие взятки от MOL. Арбитраж ЮНСИТРАЛ (ППТС) тщательно изучил доказательства и в 2016 г. отказал Хорватии: доказательства уплаты взятки Санадеру компанией MOL были признаны недостаточными. Трибунал не принял во внимание национальный приговор, подчёркивая необходимость собственных убедительных доказательств (имена, суммы, переписка). Прецедент иллюстрирует сложность взаимодействия национальных судебных процессов и международного арбитража: даже доказанная вина чиновника не гарантирует успех государства в арбитраже, если связь инвестора с коррупцией не установлена «безусловно».
- Process & Industrial Developments (P&ID) Ltd. v. Nigeria (коммерческий арбитраж в Лондоне, 2017–2023). Важно также проанализировать случай P&ID, хотя он не касается МЦУИС. Компания P&ID выиграла арбитраж против Нигерии (>\$6 млрд) за расторжение договора строительства газоперерабатывающего завода. Однако впоследствии в Нигерии расследование показало, что контракт изначально был коррупционной схемой: P&ID подкупила чиновников Нигерии и предоставляла ложные показания в арбитраже. в 2023 г. Высокий суд Лондона признал арбитражное решение недействительным из-за мошенничества (взяток, подлогов). Суд описал дело как «выдающийся пример», когда приоритет международного публичного порядка превалирует над окончательностью арбитража. Это показательный кейс: коррупция может быть раскрыта постфактум, а добросовестность арбитражного процесса – защищена силами национальных судов. Он демонстрирует, что строгое соблюдение принципов невзяткодательства необходимо для доверия к арбитражу и поднимает вопрос о реформе процедуры арбитража (проверки аффидевитов, истребования информации).

- Дело Lesotho Highlands Water Project (Лесото, 2002–2004). Это пример успешного национального преследования международной коррупции в строительном проекте. в рамках крупного гидроэнергетического проекта в Лесото («Хайлэндс») выявились коррупционная схема: подрядчики из Канады и Германии (Acres, Lahmeyer и др.) платили взятки руководителю проекта Масупха Солэ. Суды Лесото в 2002–2003 гг. осудили Солэ (15 лет) и наложили крупные штрафы на участвовавшие компании. Это один из первых случаев, когда развивающаяся страна привлекла к ответственности иностранных подрядчиков за международную взятку. World Bank внёс эти компании в «чёрные списки», показав нулевую терпимость к коррупции. Прецедент Лесото демонстрирует, что эффективные национальные уголовные институты могут восстановить законность даже в крупных международных инфраструктурных проектах, хотя это происходит постфактум. с другой стороны, он поднимает вопрос: что эффективнее – преследование после нарушения или превентивные меры (тендерный контроль, комплаенс-программы)? Тем не менее Лесото подтвердило принцип «наказывается каждая сторона взятки»: не только чиновник, но и компании несут ответственность.

Анализ этих кейсов и опыта международного права показывает, что эффективная борьба с коррупцией в международном строительном контрактном праве требует сочетания превентивных мер и жесткого привлечения к ответственности. в существующих модельных контрактах, например типовых договорах Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК, англ. FIDIC), секция об антикоррупционных обязательствах пока недостаточно детализирована и плохо адаптирована к многосторонним инвестициям. При этом важную роль играет консолидированный международный подход: конвенции и рекомендации ООН, ОЭСР и Совета Европы устанавливают стандарты борьбы с коррупцией, однако их имплементация на национальном уровне варьируется. Как отмечают И. В. Холиков и А. В. Апросимов, узкие формулировки статей о коррупции рисуют оставлять «серые зоны» для обхода закона. Опыт Германии, по мнению А. В. Серебренниковой, демонстрирует эффективный комплексный подход – сочетание сурового уголовного наказания с высоким уровнем этических требований и прозрачности

в закупках. Экономические факторы также стимулируют перемены: инвесторы стремятся избегать юрисдикций с высоким коррупционным риском, а ОЭСР указывает на важность «совместного страхования рисков» и многосторонних соглашений для поддержания инвестиционной активности.

Системный анализ показывает, что коррупция в международных строительных контрактах становится самостоятельным основанием для отказа в правовой защите. Если арбитраж или суд признаёт связь инвестора с коррупцией, контракт объявляется ничтожным и правовое покрытие теряется (как показали прецеденты World Duty Free, Metal-Tech, Inceysa, Spentex и др. cases). в то же время обвинения в коррупции применяются сбалансированно: трибуналы требуют строгой доказательной базы и для государства (случай EDF v. Romania) – обвинять кого бы то ни было недостаточно, нужны «ясные и убедительные доказательства». Стандарты же постепенно адаптируются к реальности: если косвенные улики и «красные флаги» вызывают серьёзные подозрения (Metal-Tech, Spentex), арбитраж может признать договор незаконным. Наконец, кейс P&ID v. Nigeria подчёркивает, что национальное уголовное правосудие способно исполнять роль «*última ratio*» – когда частный арбитраж вынесено коррумпированное решение, национальные суды могут его отменить во имя публичного порядка. в целом, практика формирует догму «защитить законность»: и инвестор, и государство должны иметь «чистые руки», иначе защита инвестиций при обоюдной коррупции невозможна.

Исходя из анализа, можно заключить, что международное уголовное правосудие тесно интегрируется в систему регулирования международного строительного законодательства. Прецеденты стимулируют компании вводить системы комплаенс, а национальные власти – усиленно взаимодействовать в борьбе с трансграничной коррупцией. Полный вывод: коррупция в международных стройпроектов «с трудом совместима» с принятым инвестиционным режимом – когда её разоблачают, арбитраж и уголовные органы лишают нарушителя выгод. Это даёт сдержаный оптимизм: пусть борьба

долгосрочна, но укрепление принципов верховенства права наблюдается.

Для повышения эффективности противодействия коррупции в международном строительном контрактном праве следует:

- Разработать и внедрить универсальные глобальные стандарты прозрачности и отчётности в контрактах, обязательные для всех участников.
- Усилить взаимодействие между международными организациями (ООН, ОЭСР, ЮНЕСКО и др.) и национальными правоохранительными органами для совместных расследований трансграничных преступлений.
- Создать специализированные судебные и арбитражные механизмы по делам международной коррупции (аналогично трибуналам по миротворным преступлениям), чтобы оперативно рассматривать такие споры.
- Ввести жёсткие меры конфискации коррупционных доходов при участии международного сообщества (как предписано Конвенцией ООН против коррупции).

Реализация этих мер создаст более безопасную среду для крупных международных проектов и укрепит законность в строительной отрасли.

Примечание о публикации основных научных результатов

Научная специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки.

Международное уголовное право. Международное сотрудничество по борьбе с преступностью. Международное уголовное правосудие. Международно-правовые проблемы противодействия коррупции.

Список источников

1. Клебанов, Л. Р. (2020). Проблемы борьбы с преступностью в XXI веке: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические решения. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 24(1), 186–192.

2. Иногамова-Хегай, Л. В. (2019). Международное уголовное право [Учебное пособие]. Проспект.
3. Кибальник, А. Г. (2010). Современное международное уголовное право. Wolters Kluwer.
4. Шаргородский, М. Д. (1947). Некоторые вопросы международного уголовного права. Советское государство и право, (3), 30.
5. Карпец, И. И. (1979). Преступления международного характера. Юрид. лит.
6. Dinstein, Y. (1985). International criminal law. Israel Law Review, 20(2–3), 206–242.
7. Bassiouni, M. (1997). International criminal law conventions and their penal provisions. (изд. автора)
8. Лукашук, И. И., & Наумов, А. В. (1999). Международное уголовное право. Юристъ.
9. Блищенко, И. П., Каламкарян, Р. А. и др. (1999). Международное уголовное право. (Сборник статей).
10. Хабриева, Т. Я. (2017). Социальный контроль и противодействие коррупции. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 4(65), 5–10.
11. Иванов, С. Б. и др. (2016). Противодействие коррупции: новые вызовы. (Монография).
12. Панов, М. В. (2018). Проблемы развития международного уголовного правосудия. Право и права человека, 353–356.
13. World Duty Free Co. Ltd. v. Republic of Kenya, ICSID Case No. ARB/00/7 (Award Oct. 4, 2006). Доступно:

<https://www.iisd.org/itn/en/2018/10/18/world-duty-free-v-kenya/> (дата обращения: 05.03.2025).

14. Siemens A.G. v. The Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/02/8 (Award Jan. 17, 2007). Доступно: <https://www.italaw.com/cases/1026> (дата обращения: 08.04.2025).
15. Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/10/3 (Award Oct. 4, 2013).
16. Inceysa Vallisoletana S.L. v. Republic of El Salvador, ICSID Case No. ARB/03/26 (Award Aug. 2, 2006).
17. EDF (Services) Ltd. v. Romania, ICSID Case No. ARB/05/13 (Award July 8, 2009).
18. Spentex Netherlands B.V. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/13/26 (Award Feb. 29, 2016).
19. MOL Hungarian Oil & Gas Co. v. Republic of Croatia, ICSID Case No. ARB/13/32 (Award Dec. 23, 2016).
20. Process & Industrial Developments Ltd. v. Nigeria, Commercial Court (UK) (Dec. 2023) (антраражное решение по делу P&ID).
21. Lesotho Highlands Water Project corruption cases (Lesotho, High Court, 2002–2004).
22. Холиков, И. В., & Апросимов, А. В. (2023). Преступление геноцида в практике органов международного правосудия. Военное право, 231.
23. Серебренникова, А. В. (2022). Опыт Германии по противодействию коррупции. Colloquium-journal (Россия), (32), 47–49.
24. Антонов, И. П. (2005). Международное право. РГИИС.

© 2025 Международное строительное право

ГЛАВА 25. Системное взаимодействие международного уголовного права и строительных контрактов в профилактике транснациональной коррупции — DOI:
10.64457/icl.ru.ch25

ГЛАВА 25. Системное взаимодействие международного уголовного права и
строительных контрактов в профилактике транснациональной коррупции — DOI:
[10.64457/icl.ru.ch25](https://doi.org/10.64457/icl.ru.ch25)